
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

БОРЬБА ЗА ДАРДАНЕЛЛЫ

Глава XII

НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ДАРДАНЕЛЛЫ. УЧАСТИЕ МОРСКИХ СИЛ. ПОТОПЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ АЕ-2 МИНОНОСЦЕМ *СУЛТАН-ХИССАР*¹

Английский и французский десант на Галлипольском полуострове. Гибель подводной лодки *Е-15*. Неприятельские подводные лодки в Мраморном море. Меры противодействия. Стрельба турецких линейных кораблей по невидимой с них цели. Опасность для кораблей со стороны подводных лодок. *Султан-Хиссар* топит подводную лодку *АЕ-2*. Образование пулеметного отряда, укомплектованного морским личным составом. Участие в боях южной группы. Отряд вновь сформирован. Августовское наступление.

В апреле 1915 г. неприятель стянул к Дарданеллам значительные морские силы, и его корабли усиленно обстреливали укрепления и гаубичные батареи. Все указывало на решимость англичан и французов принять чрезвычайные меры, чтобы добиться открытия проливов. Проливы являлись той коммуникацией, с помощью которой можно было снабжать союзную Россию боевыми запасами и получать от нее необходимый хлеб. Падение Дарданелл означало бы поражение Турции, а в дальней-

¹ Английская версия операций у Дарданелл изложена в книге Ю. Корбетта, Операции английского флота в мировую войну, т. II (перевод М. Л. Бертенсона).—Р е д.

шем—Германии и Австрии. Балканские государства—Болгария, на присоединение которой к Турции можно было рассчитывать, и ненадежная Румыния,—вероятно, тотчас же перешли бы в лагерь противников. Необходимо было всеми средствами укрепить оборону и сделать все, чтобы воспрепятствовать прорыву неприятеля; проведение этого в жизнь явилось невероятно трудным для турецкого командования. 25 апреля англичане и французы высадили на южном мысу полуострова Галлиполи у Сед-эль-Бара, на азиатском берегу у Кум-Кале и в Саросском проливе у Габа-Тепе большое количество лучших войск (карта 14). Высадка обеспечивалась военными кораблями всех классов, от миноносцев до новейших дредноутов. Все современные средства в неограниченном количестве находились в распоряжении неприятеля; доставка с родины производилась морским путем с полной безопасностью. Боевые припасы имелись в неограниченном количестве. Все средства, необходимые для ведения войны, как то: колючая проволока, мешки для песка, гофрированное железо, доставлялись непрерывно. К этому надо прибавить безукоризненное снабжение солдат одеждой и оружием, отличное питание, к которому привыкли англичане, прекрасное госпитальное снаряжение. Совсем иначе обстояло дело на стороне турок. Недостаток орудий, постоянный внушающий опасение недостаток боевого запаса, отсутствие вспомогательных средств для современных военных действий, простое, а часто и скудное питание, бедное индивидуальное снаряжение. Острее всего стоял вопрос с транспортом. Между Константинополем и Галлиполи не существовало железнодорожного сообщения; дорог, пригодных для сухопутного транспорта, тоже не имелось. Для торговли и обеспечения мелких прибрежных населенных пунктов испокон веков служил морской путь через Мраморное море; постройка дорог, не говоря уже о железных дорогах, не могла бы окушаться. И теперь, во время мощной борьбы на Галлиполи, все приходилось доставлять морским путем. Но самым угрожающим являлся недостаток военного снабжения всех родов в Константинополе и в Турции вообще. Питание боевыми припасами представляло серьезнейший вопрос. При почти полном отсутствии про-

мышленности представлялось невозможным перевести наличные заводы на военное производство. Производительность немногих заводов, изготавливавших боевые припасы, была поднята на возможно высокую ступень благодаря трудам германских специалистов. Борьба за проливы ставила перед флотом разносторонние задачи и требования. Турецкая армия нуждалась в поддержке отдельными частями флота; кроме того, на флот падала дозорная служба в Дарданеллах, обеспечение важных военных перевозок в Мраморном море, борьба с проникшими туда неприятельскими подводными лодками, использование собственных подводных лодок.

В то же время господство на Черном море не должно было достаться русским без боя; прежде всего нужно было обеспечить здесь доставку угля. Нехватка в угле повлекла бы за собой остановку морского транспорта и прекращение изготовления боевых припасов, а значит, и конец борьбы за Дарданеллы.

Одновременно с подготовительными действиями для высадки на Галлиполи неприятельские подводные лодки старались проникнуть в Дарданеллы и, преодолев минные заграждения, препятствовать судоходству в Мраморном море, а по возможности, и вовсе прекратить последнее. 17 апреля английская подводная лодка *E-15* проникла в пролив, но вследствие ошибки в счислении всплыла у мыса Кефес, где и была потоплена турецкими батареями. Предварительные попытки германских корабельных инженеров по подъему подводной лодки не увенчались успехом, ввиду того что в ночь на 21 апреля другой английской подводной лодке удалось выпустить в *E-15* торпеду и окончательно уничтожить ее. С погибшей лодки немцы сняли лишь головную и хвостовую части одной торпеды.

19 апреля в Дарданеллах снова была обнаружена и обстреляна неприятельская подводная лодка. Обратный выход этой лодки не был замечен, ввиду чего приходилось считаться с возможностью ее прорыва. Однако, лишь 25 апреля, в день неприятельского десанта в Галлиполи, линейный корабль *Торгут* донес о проходе подводной лодки в узкости Нагара, а 27 апреля линейный корабль *Хай-*

реддин-Барбаросса был ею безуспешно атакован. В тот же день *Торгут* сообщил, что он трижды был атакован английской подводной лодкой. Морское командование получило следующую телеграмму из Дарданелл:

«Прорвавшиеся подводные лодки угрожают транспортам и вместе с тем операциям; держатся в Дарданеллах; наблюдение и борьба возможны только миноносцами; настоятельно просим о присылке миноносцев. Узедом».

Ответ гласил:

«Все действующие миноносцы с командующим флотилией немедленно идут в Галлиполи. Сушон».

В тот же день после полудня командующий флотилией вышел в Дарданеллы на эскадренном миноносце *Гайрет* в сопровождении 5 небольших миноносцев и минного крейсера *Пейк*. С учетом многочисленных задач, возложенных на флотилию, был выработан план, по мере возможности регулирующий распределение миноносцев для выполнения различных заданий. Независимо от участия в операциях на Черном море деятельность флотилии охватывала следующие области: охота за неприятельскими подводными лодками на Мраморном море, усиление дозорной службы в Дарданеллах, конвоирование транспортов и охранение линейных кораблей во время походов в Дарданеллы и обратно и во время нахождения их на позициях для обстрела берега. Для выполнения этих заданий в распоряжении имелись минный крейсер *Пейк*, 8 больших и 9 малых миноносцев. В самой флотилии роли были распределены следующим образом: эскадренные миноносцы типа «Шихау» имели задачей обеспечивать переход транспортов из Константинополя до города Галлиполи; большие эскадренные миноносцы, построенные во Франции, — обеспечивать дальнейший путь до места назначения; остальные малые миноносцы должны были быть использованы для усиления дозорной службы у Нагары и у внутреннего входа. Во время своего пребывания в Дарданеллах они были подчинены генерал-губернатору проливов. После выпадения порта Галлиполи в качестве промежуточной базы все эскадренные миноносцы получили одно и то же задание: при следовании обратно в Константино-

поль и при отсутствии необходимости сопровождать транспорты с ранеными или пароходы без груза эскадренные миноносцы были обязаны обыскивать все бухточки азиатского и европейского побережий Мраморного моря. На острове Паша-Лиман в Мраморном море была организована база противолодочного сторожевого отряда. Этот отряд состоял из нескольких эскадренных миноносцев, — число которых колебалось в зависимости от задач, — и 3 вооруженных пароходов, принадлежавших табачному тресту. Эти корабли находились в полной готовности в ближайшем соседстве от района, которому грозила опасность, чтобы в соответствии с получаемыми донесениями начать преследование неприятеля. Позднее опорный пункт попеременно переносился в Палатию на острове Мармора, Гайдар-Пашу и снова на остров Паша-Лиман, смотря по тому, какому району деятельность неприятеля более угрожала. Рука об руку с этим противолодочным отрядом продолжала свою работу служба наблюдения и связи, необходимость которой выяснилась тотчас же, но которая налаживалась только постепенно. В мае на островах и на побережье Мраморного моря были организованы наблюдательные пункты. Донесения о действиях и курсах противника передавались по телефону или телеграфу в Константинополь или оптическими сигналами стоявшим поблизости сторожевым кораблям. Громадное протяжение береговой черты не давало возможности использовать для службы наблюдения и связи исключительно моряков; пришлось привлечь для этой службы около 1 000 турецких жандармов и солдат. Основное ядро личного состава службы наблюдения и связи составляли 4 турецких морских офицера и 15 матросов, работавших на островах Мраморного моря под командой турецкого лейтенанта, который в свою очередь находился в тесной связи с командиром противолодочного сторожевого отряда. При получении донесений о появлении подводной лодки радиограмма передавалась дальше на все корабли, и свободные от конвойной службы эскадренные миноносцы отправлялись в указанный район. Часто эти сведения возбуждали напрасные надежды. Неопытный личный состав постов принимал подводные лодки, беспечно крейсерирующие невдалеке от бе-

рега, за поврежденные и неспособные погружаться. В дальнейшем ходе событий много недоразумений происходило вследствие трудности для не-моряков отличать германские подводные лодки, действовавшие в Мраморном море, от неприятельских, поднимавших турецкие флаги. Розданные морским командованием изображения и описания германских подводных лодок с их отличиями мало помогали делу. Ясность и достоверность получавшихся донесений часто страдали под влиянием богатой фантазии детей Востока. К этому прибавлялось еще запаздывание донесений, так что флоту было очень трудно с успехом использовать для противодействия противнику свои скудные и чрезмерно перегруженные силы.

Конвойная служба флотилии также неоднократно терпела затруднения. Отправляемые на фронт войска, в особенности прибывшие из Малой Азии к конечному пункту анатолийской железной дороги Гайдар-Паша, а также оружие и продовольствие под давлением требований 5-й армии грузились на транспорты и отправлялись по мере готовности последних, не считаясь с наличием достаточного числа конвойных кораблей. Выполнение простой и ясной инструкции—образовывать из пароходов караваны с достаточным конвоем, не гоняясь за немедленной отправкой,—оказывалось невозможным, принимая во внимание отсутствие укрытия и обороны в пунктах выгрузки и недостаточность их разгрузочных средств. Всякое скопление транспортов вблизи фронта влекло за собой их обстрел, стрельбу по невидимой с кораблей цели со стороны неприятеля и атаки со стороны неприятельских подводных лодок.

В первые месяцы в Мраморное море почти ежедневно выходили по направлению к Дарданеллам один или несколько пароходов или буксиров с баржами, причем естественным следствием спешной погрузки была невозможность во-время дать знать флоту о количестве и сорте грузов, отправляемых на транспортах. Случалось, что пароходы отправлялись на свой риск, без всякой защиты от подводных лодок. Отправка обычно запаздывала, и эскадренные миноносцы напрасно тратили уголь. Между 26 и 29 апреля одна турецкая дивизия была перевезена

на фронт под конвоем эскадренных миноносцев *Муавенет*, *Ядигар* и *Гайрет* и успешно обеспечена от атак подводных лодок. В последующие недели число конвоирующих кораблей было понижено вследствие другого назначения эскадренных миноносцев; так, например, 5 мая один только минный крейсер *Пейк* сопровождал 3 больших парохода, а 12 мая—4. Скорость хода транспортов обычно не превышала 6—7 узлов; трудности сигнальной службы и передачи приказаний при неопытности личного состава были велики; правила уклонения торговых судов от атак подводных лодок почти никогда не соблюдались из-за возникшей паники. Все это показывает убожество имевшей место организации морских перевозок. Сухопутное начальство выказывало крайнюю бестолковость в этом вопросе, предъявляя преувеличенные требования и нарушая необходимую согласованность в работе.

Как уже упоминалось выше, материальная часть флотилии эскадренных миноносцев находилась в довольно скверном состоянии. Однако, благодаря неутомимой энергии старшего инженер-механика флотилии в момент предъявления таких высоких требований к эскадренным миноносцам последние почти в полном составе были всегда готовы к использованию. Но со временем большая нагрузка старых котлов и машин приводила к постоянным повреждениям, ввиду чего степень готовности эскадренных миноносцев не оставалась постоянной. Поэтому при разнородности возлагавшихся на флотилию задач часто бывало невозможным выполнить все требования. Положение затруднялось еще тем, что наиболее боеспособные эскадренные миноносцы типа «Шихау» имели только ограниченный район действия, район же операций находился в 100 милях от их базы (Стения на Босфоре); поэтому эти эскадренные миноносцы могли находиться в море не дольше нескольких дней, а затем должны были возвращаться в Босфор за пополнением топлива. Запасы топлива, имевшиеся в Дарданеллах, с трудом покрывали потребность местных предприятий и кораблей. Организация угольных складов в районе операций, что имело бы огромное значение для ведения войны, была невозможна из-за общего недостатка угля, позволявшего накапливать запасы его

лишь в одном центральном складе для всего флота. В вопросе борьбы с подводными лодками первоочередную важность имело артиллерийское вооружение миноносцев. Большие эскадренные миноносцы имели орудия достаточного калибра, зато малые миноносцы в отношении дальности и действительности огня артиллерии значительно уступали подводным лодкам. Турецкие комендоры еще не доросли до требований, предъявлявшихся противолодочной борьбой, при которой необходима быстрая пристрелка по малой цели, видимой обычно лишь на короткий промежуток времени. Волнение и беспокойство при появлении мало известного и обычно переоцениваемого противника еще более снижали достижения. Снабдить все миноносцы германскими комендорами было невозможно; впрочем последние тоже не были знакомы с противолодочной борьбой. От планового обучения комендоров приходилось отказываться из-за недостатка угля и множества боевых заданий. Противолодочных бомб еще не существовало.

Описанные в предыдущей главе мероприятия для стрельбы линейных кораблей по невидимой с них цели были только что проведены в жизнь, как последовал десант англичан в Габа-Тепе. Линейный корабль *Торгут-Рейс* находился 24 апреля в Дарданеллах и имел возможность открыть огонь по 2 легким крейсерам, которые взяли под обстрел турецкие пехотные позиции у Габа-Тепе. К сожалению, телефонная связь оказалась прерванной, а связь гелиографом отнимала так много времени и была так сложна, что видимых результатов не было достигнуто.

25 апреля было получено донесение об открытии противником сильного огня из тяжелых орудий по той же позиции, что и накануне. *Торгут*, который провел ночь в Килии, тотчас же снялся с якоря, чтобы занять свою позицию у Шамкалесси. Пока он был занят переменой места, сторожевые корабли в Чанаке и внутренние форты открыли оживленный огонь по неприятельской подводной лодке, а вслед за этим вплотную у борта *Торгута* был обнаружен след торпеды. Таким образом, проникновение лодки было с несомненностью установлено. *Торгут* обеспечил себя на своем якорном месте пришвартованием

к своему борту специального «защитного» парохода (Schutzdampfer).

С наблюдательного пункта открывалось необычайное зрелище. Около 30 транспортов, 12 больших военных кораблей, несколько крейсеров и эскадренных миноносцев стояли вплотную к побережью; бесчисленные шлюпки шли с войсками от кораблей в направлении Ари-Бурну для высадки десанта. Корабли стреляли из всех орудий. В долинах и на высотах были видны непрерывные разрывы снарядов, не прекращающийся грохот орудий оглашал всю местность.

Миноносец, подходивший к борту *Торгута*, порвал телефонный кабель, ввиду чего, к сожалению, приходилось поддерживать связь с наблюдательным пунктом помощью гелиографа. Тем не менее всплески 280-мм снарядов *Торгута* вскоре стали ложиться очень близко к тесно сосредоточенному неприятельскому флоту. Старший артиллерист крейсера *Бреслау*, находившийся на береговом наблюдательном пункте, сообщает по этому поводу:

«Следующий выстрел дал попадание в английский линейный корабль *Трайомф*; я еще немного изменил направление, чтобы достигнуть попаданий в самую гущу кораблей. Следующий залп лег хорошо, я передал, чтобы развили наибольшую скорострельность, на которую только способны старые орудия *Торгута*; сразу же достигаем четырех попаданий в транспорты и линейные корабли. Тем временем в 100 м от нас—попадание в берег. Повидимому, метят в нас, но пока еще неопасно. Вслед затем недолет в 50 м. Я приказываю моей команде, в случае, если противник пристреляется, отойти на обратный скат. В это время—третий недолет в 10 м. Все бросаются на землю и ждут, чтобы осколки перелетели через них, а затем бегом спускаются по скату. Залп с *Торгута* находится еще в пути, необходимо отметить его падение. Я выбегаю вперед вместе с артиллерийским унтер-офицером. Прямо перед нами, меньше чем в 5 м, разрывается снаряд. Но нам удается заметить результаты залпа *Торгута*. Он пристрелялся. Теперь можно управлять стрельбой из укрытого оврага».

Попытки снова войти в связь с *Торгутом* не смогли увенчаться успехом, ввиду того что корабль покинул свое

якорное место. Одновременно с обстрелом наблюдательного пункта был обстрелян и *Торгут* из 305-мм орудий. «Защитный» пароход получил попадание. *Торгуту* пришлось отклепать якорный канат, чтобы покинуть опасную зону. Точность ответного обстрела *Торгута* неприятелем следует отнести за счет наблюдений с привязного аэростата, поднявшегося со специального транспорта; аэростат, находясь вне досягаемости тяжелой артиллерии линейного корабля, мог спокойно производить наблюдения. Ввиду того что турецкая оборона имела в своем распоряжении весьма ограниченное число самолетов, с этой мерой неприятеля в данный момент нельзя было бороться.

26 апреля рано утром на позицию для стрельбы подошел линейный корабль *Барбаросса*. Однако, попытки обоих линейных кораблей открыть в этот день огонь были неудачны, ввиду того что противник тотчас же отвечал из 305-мм орудий.

27 апреля, когда оба корабля вели оживленную стрельбу, на *Барбароссе* оторвалась часть тела правого 280-мм орудия в средней башне, не причинив, однако, повреждений кораблю. Только несколько человек прислуги в башне получили легкие ранения. Теперь для стрельбы оба корабля не становились на якорь, а держались на месте с помощью переменных ходов машин. При таких благоприятных для неприятеля обстоятельствах около 6 час. неприятельская подводная лодка произвела выстрел торпедой по *Барбароссе*. Но торпеда прошла мимо и была прибита к берегу, не взорвавшись. *Торгут* получил приказание вернуться в Константинополь для пополнения запасов. Командующий флотом отдал распоряжение, чтобы в Дарданеллах не находилось больше одного линейного корабля, принимая во внимание, что из-за узкого фарватера оба корабля не могли одновременно найти применение, а только напрасно подвергались опасности атак со стороны подводных лодок.

В полдень 27 апреля в Дарданеллы вошли 6 транспортов с войсками, высадка которых на берег началась тотчас же. Когда высадка была в полном ходу, английский линейный корабль *Куин Элизабет* открыл огонь из 380-мм орудий по тесно сплотившимся, переполненным транспортам;

стрельба велась линейным кораблем по невидимой с него цели. Транспорты тотчас же снялись с якоря, и все благополучно вышли из опасной зоны, кроме одного, который, получив попадание 380-мм снарядом, затонул. Это был единственный пароход, уже закончивший высадку, так что потеря в людях не произошло.

Ген. Лиман-ф.-Зандерс отправился в Галлиполи на линейном корабле *Торгут*. Когда корабль прошел узкость у Нагары, с него были усмотрены три торпедных следа. Таким образом, оба линейных корабля длительно подвергались серьезной опасности со стороны подводных лодок. Приходится приписать лишь счастливому случаю, что ни ранее, ни позднее неприятелю не удалось достичь попаданий в них, когда они или стояли на месте для стрельбы по невидимой цели, или малым ходом маневрировали в узкостях. Редкие дни линейные корабли не подвергались атакам подводных лодок. Причины промахов последних остаются неизвестными: их следует объяснить либо недостаточной практикой в торпедной стрельбе, либо сильным течением. Во всяком случае оба линейных корабля во время пребывания в проливах день и ночь находились в состоянии полной боевой готовности. Из-за недостатка в миноносцах они не имели противолодочного охранения во время их нахождения на позициях для стрельбы или во время маневрирования; так называемые «защитные» пароходы нельзя было использовать днем, ввиду того что линейные корабли в светлое время более не решались стрелять, стоя на якоре. Укрытие за пароходами в ночное время имело скорее моральное, нежели практическое значение. Энергичный командир подводной лодки и при такой обстановке, несомненно, достиг бы своей цели. Позднее, когда отсутствовал линейный корабль, в «защитный» пароход была пущена торпеда; пароход затонул, и, таким образом, линейные корабли лишились и этой защиты от подводных лодок. Неприателем ответный огонь по невидимой для него цели производился при помощи корректировки с привязного аэростата и был настолько точен, что пристрелка достигалась после нескольких выстрелов. Со временем опыт показал, что после первого залпа, ложившегося обычно перелетом в несколько сотен метров,

корабль мог выждать еще два залпа, все более приближавшихся к его месту; но затем необходимо было полным ходом уходить с позиции, так как следующий залп ложился там, где только что находился корабль. Положение несколько улучшилось после снятия на линейных кораблях высоких стенег для радиоантенн и салингов. После этого они становились заметными для противника лишь по открытии ими огня.

Ввиду хороших результатов стрельбы по невидимой с кораблей цели командующий флотом намеревался взять неприятеля под огонь дальнобойных орудий *Гебена*. 2 мая в 7 ч. 30 м. он вышел в Дарданеллы, предполагая на рассвете внезапно начать обстрел и вернуться назад, прежде чем неприятель, корректируя свою стрельбу с аэростата, успеет пристреляться. Вскоре по выходе из Константинополя *Гебен* получил от адм. Узедома сообщение, что из-за присутствия неприятельского аэростата обычные приемы стрельбы необходимо заменить другими, требующими еще проверки. Сушон отказался от операции и вернулся на *Гебене* обратно в Босфор. Ввиду большой длины течения, и он представлял собою лучшую цель для противника, нежели более короткие линейные корабли, 280-мм орудия которых являлись вполне удовлетворительными на данных дистанциях. 3 мая *Барбаросса* достиг хороших результатов: английский линейный корабль *Суифтшэр* получил тяжелое попадание, а один транспорт затонул.

Во время «охоты» за неприятельскими подводными лодками 29 апреля у южного выхода из Мраморного моря в эскадренный миноносец *Муавенет* были выпущены безрезультатно три торпеды; позднее произошла еще безрезультатная перестрелка между миноносцем и подводной лодкой. 30 апреля маленький миноносец *Султан-Хиссар*, входивший в состав противолодочного отряда, намеревался вернуться в Босфор. За исключением одного немца (старшины торпедиста), весь личный состав состоял из турок (в том числе и командир). При проходе через залив Артаки около 8 час. в утреннем тумане миноносец заметил судно, в котором опознал неприятельскую подводную лодку. При приближении к ней миноносца она погрузилась.

Турецкий командир надеялся, что упорным ожиданием он добьется появления противника, и поэтому кружил на месте погружения. Он не обманулся в своих ожиданиях: около 9 час. был замечен перископ, по которому миноносец тотчас же открыл огонь. Вооружение миноносца состояло всего лишь из 37-мм орудий. Казалось, что один из снарядов попал в перископ, и теперь *Султан-Хиссар* выжидал случая потопить неприятеля. Вскоре перископ вновь появился, и подводная лодка выпустила в *Султан-Хиссар* торпеду, от которой последний легко уклонился; вскоре затем была выпущена вторая торпеда, тоже не попавшая в цель. Внезапно в 9 ч. 40 м. подводная лодка всплыла и была обстреляна беглым огнем из 37-мм орудий; в результате лодка получила несколько попаданий в носовую часть. Командир миноносца приказал стрелять даже из винтовок. В увлечении миноносец выпустил две торпеды, прошедшие, однако, мимо цели. Подводная лодка снова погрузилась. Предполагая, что 37-мм снаряды не смогут окончательно потопить лодку, командир решил при следующем ее появлении на поверхности таранить ее. В 10 ч. 30 м. подводная лодка опять всплыла: *Султан-Хиссар* устремился на нее, ведя сильный огонь, с намерением протаранить ее в корму. Но до этого дело не дошло: личный состав подводной лодки, выйдя через рубку, поднял белый флаг. Лодка начала тонуть, и ее экипаж—3 офицера и 29 человек команды—был взят на миноносец в качестве пленных. Это была подводная лодка *АЕ-2*, водоизмещением 800 т, построенная для австралийского флота. Согласно показаниям пленных, она имела приказание атаковать линейные корабли, стрелявшие по невидимой цели, а также транспорты, а затем ждать в районе операций прорыва английского флота. Результатов подводная лодка не достигла; она безуспешно стреляла 27 апреля по линейному кораблю *Барбаросса* и 29 апреля—по 3 транспортам, находившимся под охраной сторожевых кораблей. 30 апреля на лодке были обнаружены повреждение привода горизонтальных рулей и неисправности в системе затопления дифферентных цистерн: она внезапно стала погружаться, имея большой дифферент на нос, и лишь отдача свинцового кия и продувание балластных цистерн

позволили ей всплыть. К тому же она получила попадание в носовую часть и не могла более погружаться; экипаж сдался, предварительно открыв кингстоны. На лодке орудий не имелось. Надо отдать справедливость упорству командира миноносца, который в результате 2½-часового преследования добился ее гибели. Это была единственная подводная лодка, ставшая жертвой турецких миноносцев.

Согласно сведениям, получавшимся из 5-й армии, на фронте особенно чувствовался недостаток в пулеметах. Ввиду этого ген. Лиман-ф.-Зандерс обратился к Сушону с просьбой снабдить его пулеметами, имевшимися на флоте. Сушон охотно пошел навстречу. 2 мая с *Гебена* и *Бреслау* было откомандировано 44 чел. под командой офицера, отправившихся с 8 пулеметами в Дарданеллы.

Этот отряд вместе с уже находившейся на месте командой для наблюдения при стрельбе по невидимой с кораблей цели образовал десантный отряд. Он принимал существенное участие в обороне, и его содействие часто помогало сохранять позиции и отражать неприятельские атаки. Отряд в полдень 3 мая прибыл в Дарданеллы и тотчас же получил приказание присоединиться к южной группе в Кирте, которая сражалась с англичанами и французами, высадившимися у Сед-эль-Бара. После утомительного перехода отряд прибыл в полночь в штаб. Здесь он получил приказание сейчас же отправиться с пулеметами в Кирте, где этой же ночью предстоял решительный бой. Но пробраться туда не удалось из-за ураганного огня неприятеля. С какими затруднениями пришлось бороться, выяснилось, когда отряду, разделенному на две группы (по 4 пулемета в каждой), предстояло занять новые позиции. Не зная бездорожной местности, без турецкого проводника и без знающего переводчика, обе группы независимо одна от другой наткнулись на арабские войска, которые, приняв их за неприятеля, окружили и обезоружили их. Только благодаря случайному появлению германского армейского офицера, состоявшего на турецкой службе, отряд освободился из неприятного положения, потеряв все же 2 пулемета, утащенные арабами.

Когда отряд прибыл в район сражения, турецкие войска отступали под сильным огнем неприятельских корабельных орудий. Тотчас же пулеметы были поставлены на позицию. Их вмешательство сначала остановило войска, вскоре затем бросившиеся в атаку и отбросившие англичан. Это первое ночное выступление стоило отряду больших потерь: трое были убиты, семеро ранены; один из пулеметов был подбит шрапнелью.

На следующий день пришел приказ занять передовые турецкие окопы. Передний окоп был не более 1 м глубины и до половины наполнен экскрементами; ходов сообщения не имелось вовсе, так что при занятии окопа пришлось в течение 20 мин. подвергаться неприятельскому огню. Англичане почти непрерывно стреляли из корабельных орудий всех калибров, пехота тоже поддерживала огонь, вследствие чего почти не представлялось возможным привести окопы в надлежащий вид.

7 мая в 11 час. началась подготовка атаки: корабли открыли особенно сильный огонь фугасными снарядами и шрапнелью. Один из участников так описывает это наступление:

«Густыми колоннами, по 50—60 человек в группе, мужественно наступали они, представляя прекрасную цель для турецкой артиллерии и для наших пулеметов; их косило рядами, но все новые колонны шли в атаку; когда наши пулеметы окончательно расстреляли свой запас, пулеметчики подобрали винтовки убитых турок и продолжали стрельбу; только около 17 час. атаки были отбиты. Неприятель, должно быть, понес ужасные потери в этот день; красные шаровары и красные кепи французов представляли отличную цель; турецкие полевые орудия действовали великолепно».

Командование 3-й турецкой дивизии передало командиру десантного отряда все турецкие пулеметы—их было 12. Вечером 7 мая командир отряда (обер-лейтенант Больц) должен был занять позицию у Керевисдере. Турецкий проводник, сопровождавший отряд, оказался непригодным, и отряд неожиданно очутился между двумя позициями. Громкими призывами аллаха удалось остановить

турецкий огонь и без особо тяжелых потерь вернуться ползком на турецкую позицию. Преодолев множество трудностей, отряд вернулся к исходному пункту, причем командир был ранен в ногу. С помощью жителей, лучше ориентировавшихся в этой холмистой местности, отряд в конце концов все же достиг назначенной позиции и по возможности привел ее в порядок.

8 мая неприятельский флот обстрелял турецкую позицию огнем из тяжелых орудий. Обстрел этот длился с 9 до 16 час. Потом началась неприятельская атака, которая первый раз была отбита. Больц из-за своего ранения сдал командование унтерофицеру. Последний был дважды ранен в голову и тоже передал командование следующему по старшинству унтерофицеру. Положение становилось критическим. Тогда Больц решил, несмотря на свою рану, снова взять на себя командование. Он прибыл около 17 час., когда англичане вторично пошли в атаку; турецкий левый фланг, где находились пулеметы, держался стойко. Когда там уже собирались перейти в контратаку и бойцы уже примкнули штыки, турецкий правый фланг сдал и откатился назад, увлекая за собой и левый фланг. Германский отряд видел свою главную задачу в том, чтобы остановить и прикрыть турецкое отступление. Поэтому немцы, непрерывно стреляя, остались лежать в своем окопе. Когда командир отряда все же оказался вынужденным отойти, уже невозможно было захватить с собой все пулеметы, среди немцев были большие потери, а сопровождавшие отряд турки уже отошли назад. После снятия затворов 3 пулемета были брошены.

Ночью турки отгеснили англичан назад; вследствие этого на следующее утро к брошенным пулеметам направился небольшой патруль для их спасения. Вся позиция оказалась засыпанной, один из пулеметов был найден совершенно расстрелянным, два другие находились, повидимому, под обломками. Из всего высланного 2 мая отряда осталось 7 боеспособных людей, остальные были или ранены или выбыли из строя из-за болезни.

12 мая прибыло подкрепление. Больц из-за раны вынужден был вернуться в Константинополь. 19 мая он прибыл назад в Дарданеллы с новым отрядом и пулеметами.

В течение этого промежутка времени все было сравнительно спокойно. Пулеметы были перенесены с левого фланга на правый. Были сделаны отличные окопы на турецкой передовой позиции, вправо и влево от Зигиндере, с очень хорошим обстрелом.

На фронте было сравнительно спокойно, если не считать ежедневного сильного обстрела корабельными орудиями; поэтому имелась полная возможность продолжать улучшение окопов.

4 июня неприятель открыл сильный непрерывный огонь из всех корабельных орудий и сухопутных батарей, за которым последовала бурная атака. Передний окоп, влево от Зигиндере, с установленными там пулеметами был захвачен, в то время как с правой стороны пулеметам удалось остановить атаку. Резервы отбросили неприятеля. Большая часть пулеметчиков была убита, но с помощью резервов пулеметы удалось привести в порядок. Около 4 часа ночи, после ураганного огня корабельных орудий всех калибров, неприятель произвел еще одну атаку, которая тоже была отбита. Обер-лейтенант Больц получил неожиданные известия о судьбе пулеметных расчетов в левом окопе. 6 июня турецкие солдаты привели к нему матроса Петерса. Он был страшно измучен и еле жив. Прослав целый день, он достаточно окреп, чтобы описать происшедшие события. Во время наступления 4 мая турки, находившиеся в окопах, отошли заранее, пулеметы оставались на позиции и стреляли до тех пор, пока не были все выведены из действия. В конце концов личный состав, отстреливавшийся из пистолетов, был захвачен в плен, а офицер унесен раненым. Петерс был захвачен двумя англичанами; воспользовавшись уходом одного из них, он сбил с ног другого и бежал. Он попал в оставленный турками окоп. В общей суматохе англичане не обратили на него внимания. Вскоре он выскочил из окопа без помехи со стороны англичан, но из следующего турецкого окопа его обстреляли, так что ему пришлось спрятаться в воронке от снаряда. Там он пролежал двое суток при страшной жаре, без еды и питья. Всякую попытку покинуть эту тюрьму встречал свист пуль с обеих сторон. Когда утром 6 июня во вре-

мя турецкой атаки поблизости оказалось несколько турок, он присоединился к ним. Они первоначально приняли его за англичанина, но потом он был освобожден турецким офицером.

Несмотря на сравнительное затишье, воцарившееся в результате обоюдного утомления и только временами нарушавшееся яростной ночной стрельбой, отряд страдал от невыносимой жары, ужасного трупного запаха и недостатка воды. 28 июня пулеметному отряду пришлось выдержать еще одну энергичную атаку англичан, причем последний исправный пулемет девять раз отбивал их, а затем после израсходования всего боевого запаса был отведен в тыл.

Ввиду сильного переутомления и потери почти всей материальной части отряд был отправлен на отдых и пополнение в Константинополь.

27 июля вновь сформированный отряд в составе 3 офицеров, 150 матросов, с 12 пулеметами, под командой оберлейтенанта Больца, направился в Дарданеллы. Предполагалось в течение 14 дней заняться обучением отряда в тылу. Но случилось иначе. 7 августа англичане неожиданно высадили значительные силы в бухте Сувла. Положение стало критическим, необходимо было остановить продвижение неприятеля, ввиду чего отряд был брошен на новый фронт. Особенно горячий бой разгорелся за гору Кодшачемендаг, вершина которой господствовала над этой местностью. Если бы англичанам удалось завладеть ею, они могли бы обстрелять оттуда все турецкие позиции и даже сами Дарданеллы. На передовой турецкой позиции было установлено 4 пулемета. Окоп имел едва $\frac{1}{2}$ м глубины, однако, непрерывный огонь противника и сильная жара не давали возможности его улучшить. Турки страдали от гнетущего августовского зноя, непрерывно взрывавшиеся поблизости снаряды и стоны множества раненых, лежащих в окопе, привели их в состояние полного оцепенения. Остальные 8 пулеметов предполагалось установить на правом фланге турецкого фронта. Но из-за недостатка воды для охлаждения пулеметы эти не были в боевой готовности, а воду удалось добыть только на следующий день. 8 августа в 16 час. Больц получил записку от начальника группы

в 4 пулемета, написанную последним в 12 час. ночи. Он сообщал, что турецкий полковой командир и весь его штаб убиты и что, повидимому, надо ожидать английского наступления. Когда Больтц прибыл на помощь, наступление уже началось и шли жестокие бои. Англичанам удалось ворваться в окопы, почти совершенно сравненные с землей, но они были отброшены в рукопашном бою. 4 пулемета были почти совершенно приведены в негодность: один из них оказался совершенно разбитым прямым попаданием, другой был поврежден ружейной стрельбой, а остальные два были испорчены. Из 16 чел. прислуги 11 было убито, ранено или пропало без вести, командир группы убит.

По желанию командира дивизии 6 пулеметов были установлены близ Ари-Бурну таким образом, чтобы они имели фланговый обстрел по неприятельским окопам и могли мешать смене частей в окопах.

Расположение пулеметов было выбрано так удачно, что купающимся на берегу англичанам причинялись большие потери, и пристань, на которую каждое утро выгружалось продовольствие, стала непригодной для этой цели. В результате энергичной стрельбы 6 пулеметов, причинившей жестокие потери густому скоплению англичан, неприятель разобрал пристань. Использование находившейся на берегу водяной цистерны тоже сильно затруднялось для неприятеля. Одним словом, пулеметы причиняли англичанам столько неприятностей, что против них была выставлена горная батарея, стрелявшая с величайшей точностью; поэтому пулеметам пришлось переменить свою позицию. С новой позиции они энергично содействовали отражению неприятельских атак.

8 августа, по распоряжению командования армии, 4 пулемета были переведены на крайний правый фланг турецкого фронта на Кирештепе; здесь немцы настолько усилили турецкую оборону, что англичанам не удалось продвинуться вперед, несмотря на сильный огонь корабельной артиллерии.

Глава XIII

ВОЙ ГЕБЕНА С РУССКИМ ФЛОТОМ ПЕРЕД БОС- ФОРОМ. СНАБЖЕНИЕ ТУРЦИИ УГЛЕМ

Русские перед Босфором. Крейсерские операции на Черном море. Русский флот снова перед Босфором. *Гебен* сражается с 5 линейными кораблями. Угольное снабжение Турции. Угольные районы. Образование «угольного бюро». Организация доставки угля. Помехи со стороны русских.

В конце апреля и в начале мая 1915 г., точно так же, как и в последующие недели, во время наиболее серьезных и кровавых схваток на полуострове Галлиполи, когда решался вопрос о существовании Турецкой империи и когда в район Дарданелл бросались резервы и весь военный материал, русские на Черном море держали себя сравнительно спокойно. Во всяком случае они не предпринимали каких-либо более энергичных операций, чем в предыдущие периоды. Уже 18 марта, в день грандиозной англо-французской морской атаки на Дарданеллы, чувствовалось отсутствие тесной совместной работы союзного флота с русским, остававшимся в течение этого критического дня в полном спокойствии. Так и теперь не было и следов общего руководства морскими силами. Не подлежит никакому сомнению, что поддержка операций союзников у Дарданелл соответствующей боевой деятельностью русского флота перед входом в Босфор произвела бы сильное впечатление на турецкую оборону¹. Во всяком случае непосредственная угроза столице создала бы значительные осложнения для правительства.

¹ См. примечание на стр. 120—131.—Р е д.

Впоследствии русские несомненно поняли, что обстрел босфорских укреплений действительным огнем можно было предпринять без большого риска для их флота. По крайней мере, русский обстрел обоих маяков 20 марта остался без ответа со стороны турецких береговых укреплений.

К.-адм. Сушон считал необходимым в этот период выйти в Черное море с имевшимися в его распоряжении крейсерами *Гебен*, *Бреслау* и *Гамидие* с целью показать, что дарданельские бои ничуть не ограничивают операций флота. 2—3 мая перед Босфором появились русские линейные корабли. *Гебен* перешел к Бейкосу, у самого выхода из Босфора, для стрельбы по русским (стрельба по невидимой с него цели). Однако, до боевого столкновения дело не дошло, ввиду того что русские вскоре удались¹. Для предстоявшей крейсерской операции Сушон отдал следующий приказ:

«1. Сведения о противнике. Неприятельские главные силы показались 2—3 мая в сопровождении 6 тральщиков у Босфора.

2. Задача. Нанести ущерб неприятельским морским силам и морской торговле, обеспокоить неприятельские прибрежные пункты.

3. Выполнение. *Гебен*, *Бреслау* и *Гамидие* выходят из Босфора 6 мая в 6 час. в Черное море. Начальнику охраны водного района Босфора надлежит по возможности протралить выходной фарватер.

4. Использование кораблей в Черном море: согласно радиотелеграфным приказам.

Подпись Сушон».

6 мая в указанное время крейсера вышли в море (карта 13). По радио был дан следующий дополнительный приказ:

¹ 2 и 3 мая русский флот произвел подряд две бомбардировки укреплений Босфора. В первый день ее произвели линейные корабли *Пантелеймон* и *Три Святителя* под прикрытием остального флота в течение 2 час. при корректировке самолетами с расходом 116 снарядов 305-мм и 528—152-мм калибров. В тот же день крейсера *Кагул* и *Память Меркурия* бомбардировали Зунгулдак.

На следующий день бомбардировка была повторена линейными кораблями *Три Святителя* и *Ростислав*. За полтора часа было выпущено 39 снарядов 253-мм и 132—152-мм калибров. 4 мая линейным кораблем *Ростислав* была обстреляна Инада.—Р е д.

«Произвести разведку и вести операции против неприятельской морской торговли в районах: *Бреслау*—к *W* от меридиана 30°; *Гамидие*—к *Ost* от меридиана 32°; *Гебену*—в промежутке. По возможности беречь уголь. Рандеву—7 мая в 14 час., квадрат 404».

6 мая неприятель не был обнаружен. 7 мая *Гамидие* был отправлен в Зунгулдак для погрузки угля. *Бреслау* получил новое приказание: следовать к Констанце для показа флага у румынского побережья, вдоль которого ему следовало идти курсом *S*, а затем идти к Босфору для обеспечения последнего от минных операций неприятеля. *Гебен* пошел к побережью Крыма.

Бреслау 7 мая в 13 час. проследовал в 6—7 милях мимо Констанцы. *Гебен* 7 мая в 23 ч. 20 м. находился в 55 милях от световой преграды Севастополя, а на рассвете 8 мая прошел вдоль побережья до мыса Херсонес. Предположенный обстрел Ялты не был проведен, так как из опасения наличия минных заграждений у русских берегов пришлось бы держаться на большой дистанции и вести стрельбу тяжелой артиллерией, ввиду чего возможные результаты не оправдали бы расхода и без того незначительного запаса снарядов. И здесь неприятель не был обнаружен. 8 мая днем все 3 крейсера вернулись в Босфор. Хотя ожидавшийся результат и не был достигнут, но зато появление *Гамидие* успокоило население анатолийского побережья; у населения русских и румынских берегов появление обоих мощных крейсеров должно было создать впечатление, что османский флот намерен и впредь плавать в Черном море и сохранять свободу действий.

На следующий день, 9 мая, выяснилось, что русские немедленно использовали возвращение крейсеров в Босфор и предприняли обстрел угольного района. В 8 час. морское командование получило известие об обстреле русским крейсером и эскадренным миноносцем Эрегли и о высадке там десанта, который был отбит турецкими войсками. Русские потопили 3 турецких угольных транспорта. Турецкое высшее командование полагало возможным высадку большого русского десанта с целью уничтожения угольных шахт и оборудования копей.

Поэтому в 10 ч. 25 м. *Гебен* получил следующий приказ по радио:

«Как можно скорее следовать к Бендер—Эрегли, где русский крейсер послал шлюпки на берег; о выходе донести; командующий флотом не пойдет на *Гебене*».

Ввиду того что турбины были прогреты еще с предыдущего похода, *Гебен* смог сняться с якоря уже в 13 час. (карта 13). В 10 ч. 50 м. командир крейсера получил следующие дополнительные сведения о противнике:

«В 10 час. *Кагул* обстрелял Эрегли, в 10 ч. 30 м. обстрел продолжается; десант отходит; в море показались еще военные корабли, идущие к Эрегли».

Пройдя минные заграждения, *Гебен* направился 23-узловым ходом *N*-м курсом, предполагая в 18 час. быть у Эрегли и атаковать противника. В 14 ч. 25 м. он получил от морского командования следующую радиограмму:

«Обстрел Эрегли закончился в 10 ч. 40 м.; крейсер и эскадренные миноносцы пошли на соединение с линейным кораблем *Иоани Златоуст*; курс *N*; *Гебену* попытаться нанести потери противнику».

В 14 ч. 38 м. *Гебен* обнаружил всплывшую неприятельскую подводную лодку, которая при его приближении тотчас же погрузилась. Командир, не желая, чтобы лодка поставила в известность русский флот о выходе *Гебена*, на некоторое время лег курсом на Босфор, чтобы произвести впечатление возвращения крейсера. По сведениям, имевшимся у командира, неприятель отошел *N*-м курсом от Эрегли в 11 час.; командир считал, что, вероятно, неприятель сохранит этот курс до тех пор, пока не уйдет из видимости берега, с тем чтобы остальную часть дня и ночь продержаться в районе Босфор—Зунгулдак, а на утро обстрелять один из этих пунктов. В 18 час. *Гебен* направился в открытое море, но когда, несмотря на хорошую видимость, обнаружить противника не удалось, командир решил отказаться от встречи с последним в течение этого вечера, чтобы не навлечь на себя на ночь преследования эскадренных миноносцев. Он шел на Эрегли

в течение ночи 12-узловым ходом, держась на параллели Эрегли *Ost*-ми и *W*-ми курсами с намерением к рассвету занять позицию между Босфором и Эрегли.

Ночь прошла спокойно. 10 мая в 4 часа эскадренный миноносец *Нумуне* вышел из Босфора для усиления местного дозора, состоявшего из канонерских лодок босфорской крепости. В 5 ч. 15 м. *Нумуне* обнаружил в северном направлении дым и направился к нему 15-узловым ходом. В 5 ч. 40 м. он опознал русский флот и донес по радио: «7 русских военных кораблей в квадрате 228, курс *SO*». Нетрудно было установить, что восточный прикрывающий отряд состоял из 3 линейных кораблей или крейсеров, а западный — из 1 крейсера. Главные силы с тральщиками и эскадренными миноносцами шли курсом *S*. В 6 ч. 35 м. *Нумуне* донес по радио:

«3 неприятельских корабля, 1 крейсер пересекают квадрат 228, 12 эскадренных миноносцев и тральщиков направляются к Босфору».

Русские, повидимому, намеревались обстрелять босфорские укрепления, не подозревая, что *Гебен* в море. В 6 ч. 50 м. поднялся неприятельский гидросамолет. В 7 ч. 40 м., когда тральщики вышли в район, глубины которого допускали наличие минных заграждений, *Нумуне* открыл по ним огонь с дистанции в 7,5 км (41 каб.), вследствие чего неприятель лег на курс *Ost*. За тральщиками показались 2 линейных корабля, которые в свою очередь обстреляли *Нумуне*. Последний повернул назад. В 7 ч. 20 м. неприятель прекратил огонь и лег на курс *NO*. *Нумуне* последовал за ним, сохраняя соприкосновение и все время донося по радио.

В 7 ч. 30 м. на *NO* показался дым *Гебена*, получившего радиодонесение *Нумуне* и тотчас же направившегося в указанный квадрат. В 6 ч. 30 м. он обнаружил дым, в 6 ч. 45 м. еще два. Первый, повидимому, принадлежал крейсеру *Кагул*; *Гебен* направился к нему полным ходом. В 7 ч. 15 м. было обнаружено 5 линейных кораблей в двух разьединенных группах, шедших большим ходом курсом *N* и стремившихся выстроиться в кильватерную колонну. *Гебен* намеревался помешать русскому флоту обстрелять

Босфор и в то же время стремился нанести противнику возможно большие потери. В 7 ч. 50 м., когда головной неприятельский корабль находился от *Гебена* по пеленгу 305°, последний открыл огонь с дистанции около 16 км (87,4 каб.); неприятель немедленно тоже открыл огонь. При сходящихся курсах и скорости хода в 15 узлов дистанция быстро уменьшилась до 14,5 км (79 каб.). Неприятель сосредоточил огонь 5 линейных кораблей по *Гебену*; стрельба велась русскими исключительно хорошо. *Гебен* получил два попадания крупными снарядами. Один снаряд попал в бак и проник в жилую палубу, но пожара не произвел; второй попал ниже ватерлинии, разорвался, вероятно, у нижней кромки брони, причинил повреждения в бортовом коридоре и вывел из строя второе 150-мм орудие левого борта. Один из снарядов попал в ящик для уборки противоторпедных сетей, вследствие чего сеть стала свешиваться за борт. Потерь в личном составе не было. Неприятельский флагманский корабль тоже имел три попадания, которые, повидимому, не отразились ни на его артиллерии, ни на поворотливости, ни на скорости хода. Артиллерийское превосходство русского флота было слишком велико, ввиду чего командир *Гебена* решил дать полный ход и увеличить дистанцию. Стрельба прекратилась в 8 ч. 12 м. Командир *Гебена* намеревался оттянуть противника возможно дальше от Босфора, взяв для этого курс N, а затем—прорваться в Босфор¹. В дальнейшем *Гебен* соразмерял свою скорость хода со скоростью

¹ Появление *Гебена* с моря было неожиданно для русского командования, которое, выделив 2 линейных корабля: *Пантелеймон* и *Три Святителя*, для бомбардировки босфорских укреплений, с остальными силами держалось мористее в прикрытии на случай выхода *Гебена* из пролива. Поэтому, как только *Гебен* был опознан, Эбергард приказал бомбардирующим кораблям срочно присоединиться к главным силам. Бой начался еще до присоединения *Пантелеймона* и *Три Святителя*, причем первый еще до вступления в общий строй достиг накрытия и попадания в *Гебен*. Попаданий в русские корабли в бою не было, хотя снаряды *Гебена* ложились кучно и так близко перед головным линейным кораблем *Евстафий*, что последний несколько раз входил в громадные всплески снарядов неприятельского крейсера. После прорыва *Гебена*, превосходившего 10 узлами хода противника, бомбардировка возобновлена не была, и русский флот ушел в Севастополь.—Р е д.

неприятеля. Крейсера и легкие силы противника держались все время на большой дистанции и хорошо прикрывались главными силами. В 8 ч. 18 м. с *Гебена* были обнаружены две торпеды, от которых удалось уклониться поворотом вправо. В 12 ч. 35 м. противник отвернул вправо; *Гебен* последовал за ним, предполагая, что неприятель направляется назад к Босфору. Однако, последний докатился только до курса *Ost*. *Гебен* продолжал катиться вправо, стремясь охватить противника с хвоста. Но русские силы снова повернули. Теперь *Гебен* увеличил ход до 26 узлов и, удерживая дистанцию до противника в 18—20 км (98—109 каб.), устремился к Босфору, желая обеспечить себе свободу входа. В 13 ч. 35 м. главные русские силы повернули на *Гебен*; во главе их колонны следовало 2 эскадренных миноносца. Однако, русские вскоре убедились в беспечности преследования и в 14 ч. 10 м. повернули на обратный курс, а в 14 ч. 50 м. дня скрылись из виду.

Не могло быть и речи о вступлении *Гебена* в решительный бой с 5 линейными кораблями. Задачу—оттянуть неприятеля от Босфора—*Гебен* поставил себе несомненно правильно; располагая превосходством в скорости хода, *Гебен* так рассчитал маневрирование, чтобы в любой момент, обойдя противника, иметь возможность вернуться в Босфор. Однако, нужно сожалеть, что старшему артиллеристу *Гебена* не удалось в течение 22-минутного боя достичь большего числа попаданий. При высоких баллистических качествах и большой разрывной силе германских снарядов несомненно можно было бы нанести устаревшим русским линейным кораблям большие повреждения. Если бы удалось хотя бы приблизительно достичь тех же результатов, какие получились год спустя в Ютландском бою (правда, тогда германские линейные крейсера имели уже приборы центральной наводки), то германотурецкий флот получил бы большой перевес на Черном море.

Получив донесение эскадренного миноносца *Нумуне* о появлении противника, командование отдало приказание *Бреслау* развести пары и выйти на поддержку *Гебена* и для обеспечения входа в Босфор. Флотилия эскадренных миноносцев получила приказание всеми наличными еди-

ницами выйти из Босфора и нести перед входом противолодочное охранение. Для этой цели возможно было использовать только минный крейсер *Пейк* и эскадренный миноносец *Ядигар*, остальные же конвоировали транспорты в Дарданеллы или находились в Мраморном море в поисках подводных лодок.

В 16 ч. 20 м. *Гебен* соединился с *Бреслау* и под охраной эскадренных миноносцев вошел в Босфор.

9 мая во время выхода *Гебена* в море для обеспечения побережья угольного района Сушон имел совещание с Энвером-пашой и фельдмаршалом ф.-д.-Гольцем; на этом совещании было решено для защиты угольных копей от отдельных нападений противника назначить особые войска и артиллерию. Сушон особенно подчеркивал серьезность опасности перерыва в любой момент подвоза угля из Черного моря. Сушон считал необходимым организовать доставку угля в столицу сухим путем при помощи всех наличных транспортных средств. По его мнению, следовало также усиленно разрабатывать угольные копи на побережье Мраморного моря. Энвер не мог оставаться глухим к этим серьезным вопросам и согласился дать соответственные распоряжения.

Только теперь значение угольного вопроса стало ясным для высшего военного командования. Здесь необходимо коснуться постановки дела снабжения углем с момента вступления Турции в войну.

На северном побережье Малой Азии, на расстоянии около 150 миль от Босфора, находится богатый угольный район Зунгулдак с значительным числом копей, принадлежавших разным владельцам, между прочим Стиннесу и французскому акционерному обществу. Хотя в мирное время, в особенности для нужд флота, ввозился кардифский уголь, все же большинство потребностей в угле покрывалось копиями Зунгулдака. Зунгулдак обладал прекрасным портовым оборудованием. Сообщение с Константинополем и другими пунктами совершалось исключительно морским путем. Таким образом, существовала реальная опасность, если и не полного перерыва подвоза угля, то во всяком случае заметной помехи его доставке в столицу со стороны неприятельских морских сил.

Морское командование первоначально обеспечило себя значительным запасом в 8 000 *t* кардифского угля, а также большим количеством турецкого угля (в общей сложности до 50 000 *t*). Этот запас оказался тем нужнее, что при длительном нахождении кораблей в боевой готовности потребление угля было очень значительным. В начале войны запасы угля имелись еще у железных дорог, но они быстро пришли к концу ввиду большого расхода топлива на перевозку войск и военных материалов. Отдельные частные фирмы пробовали доставлять уголь и организовывать склады. Вскоре им пришлось от этого отказаться: при недостатке в угле цены на него быстро росли, точно так же как и повышались фрахты. К тому же отсутствовал всякий контроль над тем углем, который все же удавалось ввозить и складывать. Необходимость объединить в одних руках доставку, распределение и хранение запасов угля была очевидна. Сушон и морской министр Джемаль-паша решили возложить эту важную задачу на флот. Джемаль при этом настаивал, чтобы флот единолично ведал угольным снабжением без вмешательства других ведомств.

7 ноября 1914 г. было организовано «угольное бюро», во главе которого поставлен германский офицер. Для доставки угля в распоряжение бюро первоначально было передано 22 парохода грузоподъемностью в 1 000—2 000 *t* каждый.

Тотчас же началась доставка угля, и 11 ноября был выгружен первый пароход. Прежде всего пришлось выяснить потребность в угле для флота, железных дорог, трамваев, паровозных обществ, электрических станций, военных заводов и важных частных производств. Обычно указывались цифры, в десять раз превышавшие действительную потребность. Их постепенно снижали, что часто вызывало энергичное сопротивление. Груз каждого прибывшего угольного транспорта распределялся между отдельными потребителями или передавался на склады, находившиеся в четырех различных пунктах.

Доставке угля с самого начала серьезно угрожало положение, создавшееся в самом угольном районе. Необдуманный призыв рабочих в армию значительно уменьшил их число; недостаток наличных денег оставлял остальных

рабочих без самого необходимого. Обстрелы русских мешали работам в хорошо оборудованной и защищенной крепким молом гавани Зунгулдак и разрушали ценные механизмы шахт. Все снабжение углем тормозилось. Усилиями угольного бюро и морской службы тыла удалось постепенно снабдить управление кошей денежными суммами, так что рабочие стали получать часть своего заработка, и работы смогли продолжаться.

Ввиду все учащавшихся обстрелов русских увеличивались потери в угольных транспортах; приходилось изыскивать другие способы доставки угля. Имелся материал для постройки узкоколейной железной дороги. Но условия местности представляли слишком большие трудности, и от этой мысли пришлось отказаться. Ф.-д.-Гольц предлагал использовать для угольного транспорта реку Сахарию, что сократило бы морской путь наполовину. Но обследование реки показало, что она недостаточно глубока, а течение слишком сильно, так что и этот путь оказался неподходящим.

Чтобы сберечь ценные пароходы, к делу доставки угля были привлечены парусники. Капитаны получили приказ следовать ночью, а днем стоять в Бендер—Эргли. Здесь их неоднократно атаковывали и уничтожали русские силы. 15 июня 1915 г. русские эскадренные миноносцы потопили 4 угольных транспорта и 2 буксира. Русские вели планомерное уничтожение угольного транспорта с помощью подводных лодок и эскадренных миноносцев¹. Удивительно, что этот простой способ прекращения угольного подвоза не был ими применен с самого начала. Флот

¹ Фактически систематическая блокада угольного района была начата лишь в конце 1915 г., когда вступил в строй второй дредноут *Императрица Екатерина*, а число нефтяных 30-узловых миноносцев достигло 9. Оба дредноута с охраняемыми угольными миноносцами, образовав две маневренные группы (бригада старых линейных кораблей теперь почти не использовалась для выходов), поочередно выходили в море, где держались в течение 5—6 дней в районе 50—60 миль от турецких берегов между меридианами Кефкен-Керемпе. Одновременно, опираясь на это прикрытие, очередная пара нефтяных миноносцев обходила побережье угольного района, днем осматривая побережье и бухты с целью уничтожения грузящихся пароходов и парусников, а ночью—держась на вероятных путях прорывающихся в Босфор и из него угольщиков. В случае встречи с *Гебеном* миноносцы отходили к своему прикрытию, стараясь навести

не имел возможности предоставить действительное обеспечение, ввиду того что расстояния от угольного района до Константинополя и до Севастополя были одинаковы, места погрузки являлись совершенно открытыми, пароходы грузились по несколько дней, а при северном ветре работу приходилось прерывать; в весеннее же и летнее время ночи, удобные для перехода, были очень коротки. Если бы *Гебен* взял на себя обеспечение пароходов у побережья угольного района, ему пришлось бы, имея в виду подводную опасность, все время находиться на ходу. На *Бреслау* в таком случае возлагалась бы задача обеспечивать вход в Босфор от мин и подводных лодок. Таким образом, обеспечивающие силы расходовали бы большую часть обеспечиваемого ими угля. К концу июня 1915 г. в порту Эрегли лежали остатки 9 пароходов, 5 больших и около 20 малых парусников, потопленных артиллерийским огнем русских кораблей. Конечно, подвоз угля значительно уменьшился, поэтому было приступлено к разработке угольных копей на Мраморном море у Каликратии и Шефкетие, поблизости железной дороги Смирна—Кассаба (карта 1). Это были залежи бурого угля худшего качества, чем черноморский уголь, но который можно было применять для береговых установок. Однако, за исключением железнодорожного управления, ни одно из гражданских учреждений не принимало во внимание необходимости соблюдать экономию в угле. Режим экономии «угольного бюро» настолько нарушался штабом главного командования, что морское командование в середине июня 1915 г. сочло необходимым сложить с себя руководство «угольным бюро», продолжая, однако, помогать ему и оказывать денежную поддержку. Со времени основания «угольного бюро», с середины ноября 1914 г. до середины июня 1915 г., из Зунгулдака было вывезено 285 000 *т* угля и около 40 000 *т* сложено в качестве запасного фонда в различных пунктах.

противника на дреднот. Для ориентировки блокадных миноносцев о выходах кораблей и транспортов из Босфора в районе последнего обычно находилась дозорная подводная лодка. Когда число мореходных подводных лодок возросло, вторая лодка для этой же цели посылалась иногда к Зунгулдаку. — Р е д.

Глава XIV

ГИБЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЛИНЕЙНОГО КОРАБЛЯ ГОЛИАФ

Обстановка у Дарданелл. Намерение произвести атаку миноносцами. Отправка эскадренного миноносца *Муавенет*. Приготовления к атаке. Выполнение операции.

Положение у Дарданелл мало изменилось. Неприятельский флот держал турецкие позиции под сильным огнем. Подводные лодки продолжали свою деятельность в Мраморном море. 6 мая 1915 г. начальник полуфлотилии эскадренных миноносцев кап.-лейт. Фирле на эскадренном миноносце *Муавенет* взял на себя руководство противолодочной службой, заменив в базе Паша-Лиман эскадренный миноносец *Нумуне*. 9 мая, когда все наличные эскадренные миноносцы, пригодные для противолодочной службы, занимались осмотром гаваней и бухт Мраморного моря, начальник полуфлотилии получил в 8 час. утра следующую радиограмму:

«Из Чанака—Фирле. Обстановка требует ночной атаки на неприятельский линейный корабль в бухте Морто. Если инструкции позволяют, немедленно итти в Чанак, захватив с собою германских командиров и торпедистов для здешних 3 миноносцев. Генеральная инспекция».

На соответствующий запрос со стороны Фирле морскому командованию последовал в ночь на 10 мая следующий ответный приказ:

«Согласен. Избегать выхода из Дарданелл, чтобы не ухудшить возможностей входа ожидаемых кораблей»¹.

¹ Подразумевались германские подводные лодки.

Фирле тотчас же снялся с якоря и прибыл в 13 ч. 30 м. в Чанак (карта 14). На совещании адм. Узедом разъяснил ему, что турецкая позиция у Сед-эль-Бара может жестоко пострадать от флангового обстрела английских кораблей, на ночь уходящих в бухту Морто, вследствие чего он просит каким-нибудь способом отвлечь неприятеля от этого пункта (карта 14). Генеральная инспекция решила использовать для атаки 3 малых миноносца, предоставленных морским командованием для сторожевой службы, и поэтому затребовала соответствующий личный состав. Однако, по мнению Фирле, данную задачу смог бы выполнить лишь один из больших эскадренных миноносцев типа «Шихау». Единственным преимуществом малых миноносцев являлась их незаметность, но зато в случае их обнаружения неприятель по их внешнему виду сразу определил бы, что это—турецкие миноносцы; их осадка была только на 400 мм меньше осадки большого эскадренного миноносца; ввиду наличия на каждом из них лишь по одному торпедному аппарату следовало для достижения решительного успеха произвести атаку 3 миноносцами одновременно. Но при условии стесненного района маневрирования и наличии минных заграждений Фирле не рассчитывал на возможность успешного руководства их совместной атакой. Эскадренный же миноносец с хорошо обученной за 6-месячное участие в военных действиях командой, с 3 торпедными аппаратами и большой скоростью хода являлся как раз подходящим кораблем для подобной операции. Большая ставка соответствовала ожидавшемуся успеху.

Фирле предварительно поставил себе задачей тщательно обследовать фарватер и получить точные сведения об обстановке у неприятеля. Он прошел по фарватеру; последний шел вдоль европейского берега и был обставлен небольшими бочкообразными буями. Буи эти были поставлены по линии 6-м глубины на малых глубинах, наиболее выступавших от берега; сторона фарватера, прилегавшая к минному заграждению, никаких буюв не имела, причем сведений о расстоянии от каждого буя до ближайшей мины никто Фирле предоставить не смог. Буи были так малы и иногда отстояли друг от друга на

столько далеко, что проход по фарватеру ночью казался совершенно невозможным, точно так же как и днем при волне в 3—4 балла, когда буи вследствие волны и течения погружались под воду. Тем не менее командующий полуфлотилией считал выход одного эскадренного миноносца возможным. Он использовал ночь для наблюдений за бухтой Морта с гаубичной батареи Эренкой (на азиатском берегу), чтобы составить себе картину событий, разыгравшихся здесь ежедневно. Фирле так описывает в военном дневнике свои наблюдения:

«Перед входом в Дарданеллы, в море огней—как будто бы в Кильской бухте—стоял соединенный англо-французский флот с транспортами; английские корабли располагались, начиная от Теке-Бурну (на европейском берегу), к ним примыкали французы, а в конце линии стоял русский крейсер *Аскольд*. В Дарданеллах, в бухте Морта этой ночью находились на якоре два линейных корабля, которые освещали береговые позиции прожекторами и поддерживали по ним длительный огонь тяжелой и средней артиллерии. На английской же стороне, на суше, охватывая английские позиции и всю бухту до мыса Хиссарлик, взлетали время от времени световые ракеты, освещавшие обширное пространство, что было очень неблагоприятно для эскадренных миноносцев, следующих вдоль побережья. От мыса Хиссарлик, наискось к Эренкойской бухте, располагалась линия дозора, который регулярно нес дивизион в составе 6—8 эскадренных миноносцев типа *В*. В этот вечер можно было наблюдать, как правофланговый эскадренный миноносец непосредственно под наблюдательным постом проходил по бухте Эренкой. Незамеченный прорыв линии дозора был поэтому наиболее вероятен под европейским берегом».

12 мая крепость отдала необходимые распоряжения прислуге прожекторов и лоцманской службе, в то время как на эскадренном миноносце делались последние приготовления к операции. В 18 ч. 40 м. он снялся с якоря. Корабль был приведен в боевую готовность по образцу германского флота с соблюдением всех мелочей; с корабля были убраны все опасные в пожарном отношении предметы, в том числе и шлюпки; для уменьшения осадки запас угля

и нефти был принят только половинный; аппараты зарядили 3 торпедами образца Шварцкопфа А/08 с зарядом в 90 кг; 1 запасная торпеда находилась на палубе. Торпеды были установлены на дистанцию в 1 200 м, скорость—34 узла, глубина—2 м; ножницы для сетей не были установлены, ввиду того что, по донесению офицера-наблюдателя, английские корабли на ночь сетей не ставили.

Вот что пишет кап.-лейт. Фирле об этой атаке в своем военном дневнике (карта 14):

«Между 19 ч. и 19 ч. 30 м прошли минные заграждения. Эскадренный миноносец довольно плохо слушался руля, идя по течению, носовой руль находился слишком высоко. Видимость была достаточная, чтобы видеть буи, но было еще слишком светло и ясно в отношении идущих с моря кораблей.

В 19 ч. 40 м. стали на якорь в бухте Зуандере, вне заграждений. Во время постановки на якорь в Дарданеллы вошел линейный корабль и встал на якорь перед бухтой Морто. В 20 час.—темно, канун новолуния, небо частично покрыто облаками, обычная ночь, над водой—сероватый туман.

С 20 ч. 20 м. до 23 ч. 30 м. английские корабли, стоящие на якоре перед бухтой Морто, стреляют по сухопутным позициям и освещают их прожекторами, иногда ракетами. Решаю предпринять атаку после полуночи, рассчитывая в первую очередь на вероятное ослабление бдительности на кораблях, в частности на дозорных эскадренных миноносцах, вызванное утомлением после обстрела.

13 мая 1915 г. в 12 ч. 30 м. снялись с якоря, последовали малым ходом (8 узлов) возможно ближе к высокому европейскому берегу; вскоре заметили справа перед собой очертания корабля.

12 ч. 45 м. Слева на крамболе в 600—800 м контркурсом проходит дивизион неприятельских эскадренных миноносцев, не заметивший нас.

1 час. Справа по носу—2 больших корабля, стоящих на якоре в кильватерной колонне перед бухтой Морто, наискось от мыса Эски-Хиссарлик. Хорошо видно, что это—линейные корабли. Держусь попрежнему вплотную к берегу.

На берегу сильный пулеметный огонь из доходящих до самой воды окопов, случайные пули залетают на палубу.

1 ч. 10 м. Почти у самого мыса Хиссарлика поворачиваю на 10° влево на фарватер, чтобы отойти на дальность торпедного выстрела, продолжая следовать малым ходом. Аппараты—на правый борт, офицеры выходят на палубу, вентиляторы не работают.

1 ч. 13 м. Головной корабль с расстояния в 100 м делает опознавательные «О» Ратьером. *Муавенет* отвечает тоже «О». Корабль повторяет, *Муавенет* тоже. Ревуном даю сигнал о выпуске торпед.

1 ч. 15 м. Корабль запрашивает в третий раз; в тот же момент стреляем из носового торпедного аппарата, вскоре затем из среднего и кормового.

Три отчетливых сильных взрыва; следы торпед идут к мостику, задней кромке трубы и кормовой части.

Корабль после первого же попадания ложится на правый борт, окутанный густыми черными облаками, у грот-мачты вырывается красное пламя.

Не слышно криков. На концевом корабле тоже все тихо.

После второго выстрела поворачиваю круто к берегу, имея руль лево-на-борт и дав полный ход, чтобы укрыться от обнаружения и избежать неизвестных минных заграждений против бухты Домус-Дерези. Неприятельские эскадренные миноносцы нас не заметили.

За кормой, на месте происшествия, свет прожекторов многочисленных кораблей.

2 часа. Пришел в бухту Зуандере; держась на месте, сообщил береговым батареям и прожекторам об удавшейся атаке.

Радио командующего флотом: «Английский линейный корабль потоплен 3 торпедами в бухте Морта. Фирле».

Ввиду того что *Муавенет* до сих пор не был замечен неприятелем, я решил остаться в бухте Зуандере, перед минными заграждениями.

3 ч. 30 м. Справа замечены неприятельские эскадренные миноносцы на азиатской стороне, против бухты Кефес. Форты Дарданос и Интепе открывают огонь.

Желая во что бы то ни стало скрыть от неприятеля направление фарватера, которым *Муавенет* пользуется для прохода минных заграждений, и стремясь по возможности оставить противника в неведении относительно способов атаки, я решил пройти район минных заграждений до бухты Авузла, в ко-

торой мог стоять совершенно незамеченным неприятелем, кроме того, тем самым я давал возможность фортам европейской стороны стрелять.

3 ч. 50 м. На якоре в бухте Авуэла.

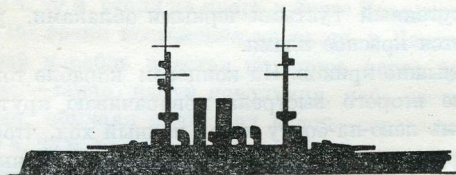
4 ч. 45 м. Снялся с якоря, прошел последнюю часть минных заграждений.

5 час. На якоре у Чанака.

10 ч. 15 м. *Муавенет* получает радио от Сушона: «Хорошо выполнено».

Потопленный корабль был английский корабль *Голиаф* (*Goliath*). На нем погибли командир и 570 офицеров и матросов.

Ввиду исключительного недостатка в современных дальнобойных орудиях в Дарданеллах адм. Узедом обратился

Линейный корабль *Голиаф* (*Goliath*) (1898)

Водоизмещение—13 150 т; длина—119 м; скорость хода —18,3—18,7 узл.; вооружение—4—305-мм; 12—152-мм; 10—76-мм; 4 торпедных аппарата.

к командующему флотом с просьбою о помощи. В первую очередь было желательно установить орудия таким образом, чтобы можно было держать под обстрелом неприятельские позиции у Сед-эль-Бара. Сушон решился передать с *Гибена* два 150-мм/45 орудия вместе с боевым запасом (на 1 000 выстрелов).

Он считал возможным ослабить противоминную артиллерию крейсера потому, что при обстановке хорошей видимости, обычной для Черного моря, случаи, благоприятные для ее использования, были очень редки. Во время перевозки в Дарданеллы одно из 150-мм орудий погибло: 24 мая пароход, перевозивший его, был потоплен подводной лодкой у островов Мармара. В дальнейшем для подкрепления обороны проливов флагманский корабль отдал

четыре 88-мм орудия, *Барбаросса* и *Торгут*—по два 105-мм и 88-мм орудия с боевым запасом. Оба корабля попрежнему оказывали значительную поддержку фронту Ари-Бурну посредством стрельбы по неприятельским кораблям (по невидимой с них цели). Лиман-ф.-Зандерс очень рассчитывал на эту поддержку, что подтвердилось 19 мая, когда он обратился с просьбою о содействии со стороны обоих линейных кораблей при намеченной атаке фронта Ари-Бурну. *Барбаросса* уже находился на позиции, а *Торгут* получил приказание направиться туда же. Несмотря на наличие всего лишь одного «защитного» парохода и на невозможность предоставить достаточную противолодочную охрану из эскадренных миноносцев, Сушон считал необходимым оказать эту поддержку турецкому наступлению. Оба линейных корабля смогли принять энергичное участие в сражении и своим огнем удержали неприятельскую корабельную артиллерию от выступления, хотя само турецкое наступление и не дало ожидаемого результата. На занятых ими позициях для стрельбы линейные корабли подверглись атаке подводной лодки. По выполнении этого задания *Барбаросса* вернулся в Константинополь.

В этот период бросалось в глаза замеченное со всех наблюдательных пунктов значительное усиление неприятельского охранения из эскадренных миноносцев. Неприятельские корабли ставили сетевые заграждения, причем даже на шестах последних выставлялись наблюдательные посты. Это обстоятельство находилось в тесной зависимости от известий об ожидавшемся прорыве германских подводных лодок, о которых английские газеты сообщали уже 1 мая. Кроме того, подводная лодка *U-21* на пути из Германии в Катарро была дважды обнаружена неприятелем. Английский посол в Афинах объявил в греческих газетах большие денежные премии за донесения о германских подводных лодках, которые имели бы своим результатом уничтожение последних.